

IX. Воспоминания

Анджей де Лазари

Как благодаря Янке и Анджею Валицким я оставил балалайку
и занялся идеями

«Я принадлежу к тому типу исследователей,
которые всецело сосредоточиваются на том,
что в настоящий момент делают,
более или менее сознательно забывая обо всем остальном...
Поэтому я не был университетским преподавателем и мог стать
чьим-то “Мастером” лишь в абстрактно интеллектуальном смысле.»

Анджей Валицкий (из письма ко мне от 28 ноября 1988 г.)

Очевидно, что твое будущее зависит не только от тебя, но и от людей, которых ты в жизни встретишь, а также от того, сумеешь ли воспользоваться этой встречей. Учителей у меня было много, но только двое из них существенно повлияли на мое профессиональное будущее. Первый – Бибс Эккель – англичанин, мой закадычный друг. Мы встретились на кухне студенческой общаги Варшавского университета. Он научил меня брэнчать на балалайке, а в марте 1968 года, во время студенческих волнений, мы вместе оказались в КПЗ во дворце Мостовских, а я потом еще и в тюрьме на улице Раковецкой в Варшаве и в штрафном батальоне Народного войска польского в Жагани. С его помощью после окончания вуза я создал в Лодзи балалаечный оркестр, который до сих пор играет, хотя средний возраст участников не меняется¹. И, по всей вероятности, если б я не встретил покойного Анджея Валицкого, я все еще играл бы на балалайке в «Borshch and Tears» на Beauchamp Place в Лондоне.

---

¹ Występ konkursowy zespołu «Bałalajk». Kijów 27.-31.03.2019 r. // Youtube. https://www.youtube.com/watch?v=_eyXNQLvIOk.

Я и Бибс в «Borshch and Tears» на Beauchamp Place в Лондоне (1971)

С Анджеем Валицким я познакомился благодаря его второй жене – Янке. В том, что он написал, ей посвящено немного внимания. Но в книге *Порабощенный разум спустя годы* есть такое воспоминание: «К счастью, у меня была новая спутница жизни – Янка. Она переселилась из Лодзи в Варшаву в начале 1952 года, будучи заранее настроенной ко мне положительно по разговорам с Сашей Валлисом (сыном Мечислава) и Марией Гессен – вдовой Сергея Гессена, который сыграл довольно существенную роль в моей интеллектуальной жизни. Я быстро прильнул к ней, что истолковывалось окружающими как естественное тяготение друг к другу двух "классово чуждых

элементов", ибо на "идеологическом счету" Янки значились ее отец – инженер с Полесья, убитый в 1939 году русскими, факт депортации ее со всей семьей в Сибирь, а также абсурдное обвинение в участии в школьном "подпольном кружке" (к счастью, без тени каких бы то ни было доказательств). В отличие от Кристины [первой жены Валицкого. – *А.Л.*], Янка не требовала, чтобы я "переборол себя", оставил сомнения и деятельно включился в "строительство новой действительности" (условием чего должна была бы стать обстоятельная самокритика...). Как и я, она чувствовала себя жертвой сталинизма и всячески пыталась от него защититься»².

Янка (в девичестве Деркс) – сверстница Анджея. Родилась в городе Микашевичи в Полесье в 1930 году, была младшей из четверых детей. Ее старший брат, выпускник средней школы Леопольд Деркс погиб в октябре 1939 года в битве под Коцком. Отец был арестован в 1941 году в Пинске советскими спецслужбами и приговорен к смертной казни как «член национально-фашистской организации». Семью не уведомили, был ли приговор приведен в исполнение, и Дерксы долго надеялась, что он вернется. Смерть брата подтвердили лишь в посткоммунистической Польше. В 1941 году Янку с мамой и сестрами вывезли в Алтайский край. Там она окончила школу. В Польшу они вернулись в 1946 году и поселились в городе Кошалин³.

На «Возвращенных землях» в 1946 году оказалась в поисках работы также сестра моей мамы – Людмила де Лазари-Скотницкая. К сожалению, я не знаю и не у кого уже спросить, как она познакомилась с семьей Дерксов и подружилась с Янкой и ее старшей сестрой Иреной Вонсовской⁴. Одно знаю наверняка: когда Янка решила поступить в университет, Людмила направила ее в Лодзь, и Янка поселилась у моей мамы Ирены в однокомнатной квартирке с уборной во дворе. Жил там уже и я – трех- или четырехлетний. Янка намеревалась поступить на польскую филологию, но была дочерью «врага народа», поэтому, как и Валицкому, который хотел изучать философию, ей предложили русистику, где не хватало студентов. В университете она подружилась также со второй сестрой моей мамы – Ией де Лазари-Павловской⁵. Ия познакомилась с Валицким чуть раньше – у них был общий учитель, профессор Сергей Гессен. Но, в отличие от Анджея, который пошел по стопам своего учителя и стал историком идей, Ия стала известным ученым в области этики. Анджеем был знаком также с моей

---

² Walicki A. *Zniewolony umysł po latach*. Warszawa, 1993. P. 57-58.

³ Благодарю Малгожату Валицкую, дочь Янки и Анджея, за предоставленные сведения.

⁴ Мужья Людмилы и Ирены – Збигнев Скотницкий и Ежи Вонсовский – руководили после войны немецкими именными, преобразованными в совхозы. Возможно, ранее они уже подружились.

⁵ Де Лазари, Ия // Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Де_Лазари,_Ия.

мамой и пользовался книгами из огромной библиотеки, оставленной моим дедом Константином де Лазари⁶.

Яся/Янка Валицкая («Моей дорогой Ие в дни нашей совместной пахоты»)

В лицее я не был хорошим учеником (поведение – удовлетворительно, физкультура – отлично). После вступительного экзамена на варшавскую русскую филологию профессор Анатолий Минович с характерным восточным акцентом спросил меня: «Зачем вы лезете на русскую филологию, если вы понятия не имеете о русской грамматике?». Я подумал, что провалился, но меня приняли (хотя языковедом я так и не стал). Сначала в университете я тоже не выделялся особенным усердием. С задором я обучался лишь игре на балалайке. Спустя годы, когда я получил звание профессора, мой дядя, муж Ии Тадеуш Павловский, эстетик и методолог, сомневался: «Разве Анджей такой же профессор, как и мы?».

Когда в 1963 году я появился в Варшаве, Янка Валицкая решила стать моей «приемной тетей». Я был студентом несостоятельным, подрабатывал репетиторством, и Янка часто приглашала меня обедать или ужинать в их домик в районе Елонки, где раньше жили советские рабочие, строящие Дворец культуры и науки. Таким образом я познакомился с Анджеем и их дочерью Малгосей. Анджея я видел, когда мы садились за стол. Он выходил из своего кабинета, здоровался со мной и во время еды мы могли побеседовать. Он рассказывал, о чем будет его докторская диссертация, а я тогда еще понятия не имел ни о славянофилах, ни о западниках. Поев, Анджей извинялся и возвращался к себе в кабинет. Эти короткие разговоры подтолкнули меня к тому, чтобы более солидно заняться наукой. Я воспитывался без отца и увидел в Анджее авторитет, которому захотел подражать. На втором курсе, когда надо было подготовить курсовую работу по литературе, я решил написать ее о

⁶ Де Лазари, Константин Николаевич (фотограф) // Википедия. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Де_Лазари,_Константин_Николаевич_\(фотограф\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Де_Лазари,_Константин_Николаевич_(фотограф)).

славянофилах. Валицкий набросал мне план работы, я через межбиблиотечный обмен заказал несколько книг из Москвы и вырос в глазах будущего руководителя моей магистерской работы, тогда еще кандидата наук Антония Семчука. Он сказал: мне понравилось! Анджей вовлек меня в проблематику своих исследований, давая мне печатать на машинке свои тексты (платил мне за работу). Он сам никогда не научился этому делу и никогда даже не прикоснулся к компьютеру; до конца жизни писал только авторучкой. Зато хорошо пел «подпольные» сатирические песни своего друга Януша Шпотанского, а также *Цыганскую венгерку* Аполлона Григорьева. Это был период моего увлечения цыганщиной, поэтому у меня не было проблем с выбором темы магистерской работы: «Аполлон Григорьев и славянофилы».

Янка и Анджей (60-е годы)

Янка была предана Анджею всей душой. Ради него она отказалась от научной карьеры, заботилась не только о доме, дочке, но и о ботинках, рубашках и галстуках мужа, переводила на польский тексты русских мыслителей (Белинского, Чернышевского, Чаадаева, Герцена, народников и проч.), которые он издавал со своими примечаниями и вступлением. К тому же она преподавала в Варшавском университете и в Академии католической теологии.

Янка умерла в 1988 году. Языковед, профессор Анджей Богуславский в прощальной речи о ней сказал: «Янка была выдающейся личностью польской университетской русистики. Ее незаурядные интеллектуальные качества и

необыкновенная старательность могли бы без сомнения принести блестящие научно-исследовательские результаты. Существенно способствуя развитию русистских исследований, она рано и сознательно отказалась от научной карьеры. Но и без степеней и званий стала неоспоримым авторитетом в научной среде [...]»⁷.

Анджей ушел от Янки в 1970 году и женился на Марии Водзынской, аспирантке Института философии и социологии Польской Академии наук, ставшей в будущем послом в Голандии⁸. Свое расставание с Янкой он объяснял так:

«Существенно обострился конфликт между моими приоритетами (научная работа, интерес к ней жены, выезды на отдых) и приоритетами Янки (ребенок и ежедневные, а не только отпускные и праздничные потребности семьи). Янка не могла стерпеть моего недовольства тем, что у нее нет времени и желания на совместное чтение и разговоры, а я неуступчиво держался за свои предпочтения, считая, что мои научные успехи подтверждают их обоснованность»⁹.

Из сохранившегося письма Янки Ие от 4 марта 1959 года следует, что проблемы появились гораздо раньше, что Ия «пыталась понять их обоих», разговаривала об этом с Анджеем: «И впервые вмешательство третьего лица принесло результаты – Анджеем изменился радикально, хотя мне не хочется верить, что надолго [...] Он вдруг осознал ответственность за мое здоровье, за мое самочувствие. Я не хочу сказать, что он "стал добр ко мне", это выглядело бы так, что раньше добрым не был. По его собственным ощущениям, которые иногда совпадали с моими, он всегда был добрым, всегда хотел, чтобы я была счастлива, но всегда мерой моего счастья для него было то, что именно ему казалось лучшим, наиболее ценным. Самое удивительное, что он прекрасно отдавал себе отчет в порочности такой позиции, но никогда не смог себя переломить»¹⁰.

Без сомнения, единственной «женой» Анджея, которой он оставался верен до конца своих дней, была наука. По отношению к своим пяти женам он был лоялен до тех пор, пока они не мешали ему ее любить. Когда-то он сознался мне, что даже для своих детей – дочери и сына – не сумел быть «хорошим отцом».

После мартовских событий 1968 года меня исключили из университета, но потом восстановили и разрешили повторно пройти пятый курс, и осенью 1969 года я смог вернуться в Лодзь. Подражая Анджею Валицкому, я еще попробовал поступить в аспирантуру на философский факультет, но до собеседования меня не допустили. В Лодзинском отделе образования тоже поначалу не хотели со

---

⁷ Речь Анджея Богуславского о Янке я получил от Малгожаты Валицкой.

⁸ Maria Wodzyńska-Walicka // Wikipedia. https://pl.wikipedia.org/wiki/Maria_Wodzy%C5%84ska-Walicka.

⁹ Walicki A. *Idee i ludzie: Próba autobiografii*. Warszawa, 2010. P. 109.

¹⁰ Из моего личного архива.

мной разговаривать, и мне пришлось попросить в Варшавском университете «распределения» в Лодзь, благодаря которому я четыре года проработал учителем русского языка в Лодзинском общеобразовательном лицее № 4, в котором преподавание велось на английском языке. Ученикам я понравился своей гитарой, бардовскими песнями и балалайкой, а так как я не знал нот, они меня им учили, а я их учил игре на балалайке. Таким образом возник ансамбль «Балалайки», который я потом перенес в университет и руководителем которого был 20 лет¹¹.

Иван (Ваня) де-Лазари

¹¹ Последние 30 лет оркестром руководит Бася Собољчик – воспитанница ансамбля, теперь профессор-музыковед. См.: P. Śpiechowicz, „Balalajki” mają 50 lat!, <https://biuroprasowe-uni-lodz.prowly.com/71624-balalajki-maja-50-lat>.

Ранее, в 1967 году, на студенческой конференции (я там прочитал доклад о русских бардах) меня «заприметил» профессор Мстислав Олехнович, который как раз создавал в Лодзи русистику, и предложил мне работу, но, когда спустя два года я вернулся в Лодзь, попросил, чтобы я подождал, так как партком меня не одобрит. И действительно, спустя еще четыре года, уже «во времена оттепели Герека», он позвонил мне, произнес пароль «теперь можно» и принял меня на работу сразу на должность старшего ассистента.

Когда Валицкие развелись, я потерял контакт с Янкой, и теперь мне совестно. Анджею я остался верен и сразу после магистратуры начал морочить ему голову, чтобы он стал моим научным руководителем. Я решил написать кандидатскую о Григорьеве – мыслителе и критике. Готовя магистерскую работу, я узнал, что Григорьев дружил с моим двоюродным прадедом, актером и гитаристом Константином де-Лазари (1838-1903)¹², а сын Константина Иван (Ваня, 1871-1931)¹³ прославился как исполнитель *Цыганской венгерки* Григорьева.

И я решил продолжать изучение наследия этого «последнего романтика», а заодно разобраться в моих предках. Валицкий не сразу согласился, но я настойчиво посылал ему куски работы, и он в конце концов сдался. Когда он прочитывал какой-нибудь крупный фрагмент, мы встречались в его кабинете во Дворце Сташица в Варшаве. По его мнению, если нет текста, не о чем говорить. Он не был приветлив, всегда скорее официален, хотя еще «во времена Янки» к ее возмущению показал мне несколько номеров *Плейбоя*, которые только что привез из Англии.

Кандидатскую я защитил в 1981 году. Анджей приехал на защиту с третьей женой, чтобы показать ей Лодзь своей молодости. Ночевали они в нашей квартире. В комнате Анджея пришлось остановить настенные часы, которые слишком громко тикали... Защита была в мае, а в ноябре Анджей полетел в Австралию, потом в США, и наши личные контакты прервались на 20 лет. Мы снова встретились только в 2001 году, когда с очередной, четвертой женой он приехал в Лодзь получать звание почетного доктора Лодзинского университета. Я уже защитил докторскую диссертацию (1989), получил звание профессора (1997) и мог стать одним из рецензентов его наследия. Анджей прочел тогда речь о Сергее Гессене, которую озаглавил «Мой лодзинский мастер и плюрализм ценностей»¹⁴.

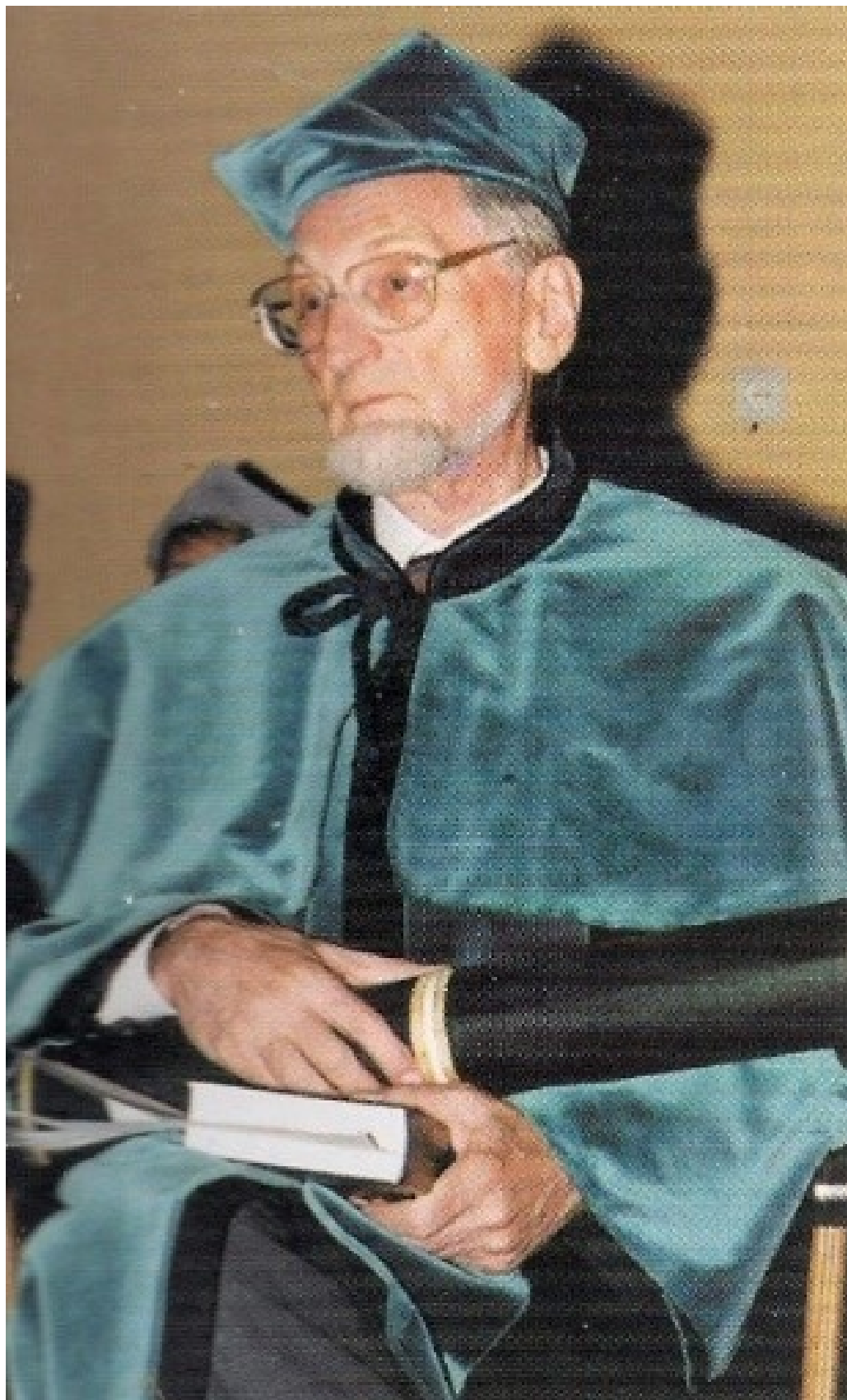
---

¹² Де Лазари, Константин Николаевич // Википедия. [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Де_Лазари,_Константин_Николаевич](https://ru.wikipedia.org/wiki/Де_Лазари,_Константин_Николаевич).

¹³ Де Лазари, Иван Константинович // Википедия. [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Де_Лазари,_Иван_Константинович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Де_Лазари,_Иван_Константинович).

¹⁴ Walicki A. *Mój łódzki Mistrz i pluralizm wartości* // Res Publica Nowa. 2001. № 9; см. idem. *O inteligencji, liberalizmach i o Rosji*. Kraków, 2007.

2001 – почетный доктор Лодзинского университета (фот. Г. Бартломейчик)

До этого мы, конечно, переписывались. Анджей поддержал мой проект издания многотомного русско-польско-английского лексикона *Идеи в России*, положительно оценил первый том в американском журнале *The Sarmatian Review* (сентябрь 1999)¹⁵ и написал мне несколько рекомендательных писем, когда я претендовал на стипендии или приглашения на заграничные конференции.

В 2002 году оказалось, что я наступил Андрею на мозоль своей рецензией на его книгу *Россия, католицизм и польский вопрос* (2002), напечатанной в журнале *Тыгодник повшечны*. Он сожалел, что этот еженедельник обратился за рецензией к агностику, а не, например, к «ксендзу Вацлаву Хрыневичу, великолепному экуменисту и другу православия, или к Гжегожу Пшебинде, знаменитому знатоку "славянского учения" Иоанна Павла II»¹⁶. Я тогда считал, что русские «не вышли из романтизма», что они любой ценой, с Христом или без, хотят построить утопическую Всесоборность и «что по сути нам, современникам, не так уж важно, кто из русских был филокатоликом, а кто антикатоликом. Те и другие созидали идею утопической всесоборности, а, как пишет сам Валицкий, цитируя фон Хайека, невозможно "переоценить то влияние, которое в долгосрочной перспективе оказывают идеи"». Я написал: «"Новую" книгу Анджея Валицкого я проглотил залпом, но голод остался. "Новую" в кавычках, так как она пролежала в издательстве несколько лет, а голод – так как в ней мне не хватило хотя бы послесловия, помещающего проблемы XIX века в контекст сегодняшней действительности. Ибо в русском православном мышлении ничего не изменилось – это, пожалуй, первый вывод, который могут сделать из чтения очередного замечательного труда моего учителя те, кто наблюдает сегодняшние борения с католичеством в России (а Польша остается их фоном)»¹⁷.

Моя рецензия «разочаровала» также Станислава Обирека, тогда еще монаха, связанного с институциональным костелом и с Иоанном Павлом II: «Я не ученик профессора Валицкого, – пишет он, – не знаю всех его текстов, но те, которые знаю, никак не нарушили впечатления новизны текста. Мне кажется, что впервые в творчестве Анджея Валицкого появилось положительное восприятие учения Иоанна Павла II, что (и здесь я вполне согласен с мнением де Лазари в оценке всего наследия Профессора), однако, ведет его не к конъюнктурному почтению Католического костела, а к трезвому и объективному диагнозу значения этого понтификата также для Православной церкви»¹⁸.

Анджей обиду не держал. В письме от 15.12.2002 он так объяснил наши разногласия: «Лично мне кажется, что, рассматривая вопрос психологически, Вы

¹⁵ Walicki A. Ideas In Russia // The Sarmatian Review. 1999. № 3. P. 652-654. <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/999/walicki.html>.

¹⁶ Walicki. Idee i ludzie. P. 388-389.

¹⁷ de Lazari A. Wymarzona rosyjska powszechność // Tygodnik Powszechny. 2002. № 46. <http://www.tygodnik.com.pl/dodatek-ks/02/lazari.html>.

¹⁸ Obirek S. A jednak nowa // Tygodnik Powszechny. 2002. № 48. <http://www.tygodnik.com.pl/numer/278648/obirek.html>.

ожидали, что я поменяю свой общий взгляд на Россию в духе идейной атмосферы, преобладающей в III Речи Посполитой. Но, увы, я в этом отношении неререформируем. Я всегда держался подальше от "эссенциальных" обобщений на тему России, а тем более от использования их в публицистических целях. Такая позиция несколько не является отличительной чертой "русофилов" в стиле Исаяи Берлина; самым напористым противником антирусского "эссенциализма" является сегодня (среди ученых моего поколения и старших) Мартин Малиа, которого никто здравомыслящий не будет подозревать в избытке "русофильства"».

В 2003 году мы встретились в качестве рецензентов на защите докторской диссертации Януша Добешевского, а в 2004 г. я провозгласил лаудацию по случаю присуждения Анджею Специального приза журнала *Пшеглонд всходни* за его научное творчество в целом. После торжества Анджей предложил мне брудершафт. Потом мы были рецензентами докторских диссертаций Михала Бохуна (2009) и Лешека Аугустына (2013) и часто выступали на одних и тех же конференциях.

2009, Краков, после защиты докторской Михала Бохуна¹⁹

¹⁹ Снимок сделан случайным прохожим на аппарат Анджея Валицкого. Благодарю проф. Иоанну Шиллер-Валицкую за предоставление этой фотографии.

2014, на конференции Ягеллонского университета «Либералы и революционеры: Русская идея в философии и общественной мысли» (фот. М. Бохун)

Анджей Валицкий действительно был для меня (и не только для меня) Мастером лишь «в абстрактно интеллектуальном смысле». Я с давних пор хвастаюсь, что он был моим учителем, так как был моим научным руководителем, когда я готовил кандидатскую работу, но, по правде говоря, мне трудно определить, чему он меня научил. Бибс Эккель научил меня игре на балалайке, а Валицкий? Он был не столько учителем, сколько Авторитетом. Импонировал мне. Я очень его уважал.

Кроме него, я не встретил в своей жизни никого, кто так всецело посвятил бы себя науке. Я не сумел быть таким ученым. Слишком много дел меня отвлекало, да и «Балалайки» с харцерскими лагерями и кострами десятилетиями были